чески тождественные реализации, принадлежащие к одной категориальной единице – средне-высокому статическому тону, обладают функционально значимыми фонетическими различиями. Тем самым экспериментально подтверждается необходимость двух этапов в анализе и репрезентации просодических характеристик высказывания, что и достигается фонетико-фонологическим анализом.

Т. К. Кохнович

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ИЗВИНЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ ОБОИХ КОММУНИКАНТОВ

Языковые единицы с семантикой извинения не выходят из зоны внимания лингвистики. К изучению данных единиц обращаются как исследователи в области прагматики, рассматривая их в качестве средств реализации речевого акта извинения, так и ученые, занимающиеся вопросами межкультурной коммуникации, что связано с интересом к специфике выражения извинения в разных языках. Широкое употребление формул извинения, принятое в ситуациях естественной интеракции многих языковых сообществ, объясняется той важной функцией, которую они выполняют, – социальной функцией поддержания гармонии межличностных отношений между участниками коммуникации.

Мы рассматриваем извинение как полиинтенциональный речевой акт, объединяющий ряд коммуникативных намерений, таких как оправдание, раскаяние, признание собственной вины и т.д. Извинению предшествует неудачное или неправильное вербальное или невербальное действие говорящего, что позволяет характеризовать его в целом как реактивный акт.

Употребление тех или иных форм извинения в речи позволяет судить о степени вины автора, его эмоциональности. Извинения могут быть выражены эксплицитно, с использованием перформативных глаголов *entschuldigen*, *verzeihen*, *vergeben*, а также их номинализаций *Entschuldigung*, *Verzeihung*, *Vergebung*. Четкой разницы в употреблении глаголов *entschuldigen* и *verzeihen* не существует, однако немецкий лингвист В. Ланге видит в слове *Verzeihung* более высокий стиль по сравнению с синонимом *Entschuldigung*. При совершении действий, проступков, которые имели для адресата серьезные последствия, а также при большой разнице в социальном статусе, употребляется форма „*Vergeben Sie bitte!*“. Извинение может быть выражено также имплицитно. Это проявляется в выражении сожаления по поводу принесенного ущерба, признанием вины или указанием на ненамеренность действия: *tut mir leid*, *ich bedauere*, *leider*, *dummerweise* и т.д. Такие высказывания, следующие за неудачным результатом действий, выражают отказ говорящего взять на себя вину за происшедшее. Формула *tut mir leid* и ее синонимы – выражение смирения с ситуацией, которую уже нельзя изменить. Реже употребляются косвенные речевые акты извинения в виде фразы „*Wie*

kann ich das wieder gutmachen?“. Продуктивным языковым показателем наличия извинения в пропозициональной части высказывания является словосочетание *übelnehmen*, которое логично рассматривать как включающее имплицитную просьбу о прощении и просьбу не обижаться, поскольку причинившее ущерб действие было ненамеренным.

В повседневных ситуациях признание вины рассматривается как полноценное извинение. Признание вины может быть выражено следующим образом:

а) эксплицитное обвинение говорящим самого себя, например: *Das ist meine Schuld. Das ist mein Fehler. Ich bin daran schuld*;

б) негативная оценка говорящим своего поступка: *Ich bin ein Riesenkamel gewesen, dass ich von Ihnen fort bin*;

в) выражение раскаяния с полным признанием вины и убеждение адресата в том, что лучше было бы не совершать этого неверного поступка: *Ich bitte um Entschuldigung für mein Benehmen, ich sollte das nicht tun*.

Особое значение в ситуации извинения имеют отношения автора и адресата. Адресат в силу своей коммуникативной роли имеет большую инициативу в соответствующей речевой ситуации. Он не просто слушающий, ему следует верно интерпретировать высказывание и уместно реагировать на него. Характерной и идеальной репликой может быть согласие принять извинение: *Ich verzeihe dir*. Но эксплицитное согласие принять извинение встречается в повседневном общении редко, поскольку такая реакция идентифицирует вину говорящего и равносильна порицанию, которое ущемляет личность собеседника. Этикет требует сохранения не только лица адресата, но и авторитета адресанта, поэтому согласие принять извинение выражается чаще различными описательными формулами, которые немецкий лингвист И. Ребайн называет «сведением к пустяку» поводов для извинения, например: *vergessen, geschenkt, gewährt, ist schon gut*. Ситуативная краткость реагирующих реплик отображает картину живого диалога. Своей лаконичностью они создают особую спокойную атмосферу. Кроме того, эксплицитно-перформативное согласие принять извинение в виде формул *ich verzeihe dir, ich entschuldige dich* выглядело бы пафосно.

Согласие принять извинение не всегда эксплицитно выражается. Для этого может быть использовано предложение не возвращаться больше к обсуждению произошедшего инцидента: *Ach, Paul, sprechen wir doch nicht davon. Es ist gar nicht so wichtig*. Согласие на принятие извинения может сопровождаться также невербальными средствами, поскольку вербальная реакция прощения акцентировала бы внимание на проступке, не сохраняя тем самым лицо собеседника: „*Verzeihst du mir?*“ – *Sie nickte*.

Одной из реакций на извинение может быть отказ принять извинение: *Eure Entschuldigung nützt mir jetzt nicht mehr*. Подобный отказ является репликой, которая противоречит принципам успешного коммуникативного общения и означает, что адресат сомневается в искренности извинения. В случае невиновности извиняющегося ответные реплики могут иметь

оттенок утешения: *Da gibt es nichts zu entschuldigen*. Адресат может подвергать сомнению виновность говорящего и поэтому не принимает извинение: *Verzeihen? Was gab es zu verzeihen?*

Редким случаем являются ситуации обоюдного извинения, которые служат восстановлению нормальных отношений между коммуникантами и представляют собой экспликацию успешности данного речевого акта.

Следует отметить, что некоторые извинения не требуют никаких обязательных реплик. Так, например, нарушение правил хорошего тона или покоя совершается говорящим одновременно с извинением: *Entschuldigen Sie, wenn ich Sie störe, aber ich habe es eilig*.

Анализ научной литературы показывает, что речевые акты извинения успешно осуществляются при соблюдении следующих условий:

1. Говорящий совершил действие, причинившее адресату некоторый ущерб. Он признает причинение ущерба и просит адресата не обижаться и не принимать этот инцидент во внимание в дальнейших отношениях между ними.

2. Действие говорящего причиняет ущерб адресату. Говорящий опасается, что адресат может обидеться или оскорбиться, если говорящий не принесет свои извинения.

3. Говорящий чувствует вину по отношению к адресату. Он искренне сожалеет о том, что причинил адресату ущерб и хотел бы сохранить с ним прежние отношения.

4. Акт извинения является попыткой восстановить коммуникативное равновесие и вернуться к положению дел, существовавшему до причиненного ущерба.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что перлокутивный эффект извинений может оцениваться с позиции адресанта и адресата: адресант сохранил «лицо», выразив сожаление или раскаяние по поводу произошедшего, он просит прощения, чтобы сохранить с адресатом прежние отношения; с другой стороны, адресат осознал ситуацию и принимает извинения, что способствует восстановлению контакта.

В. В. Лопатько, Л. И. Трибис

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ИНТЕРЪЕКЦИОННЫХ ЕДИНИЦ В УСТНОЙ РЕЧИ

Интеръекционные единицы (ИЕ) трактуются в лингвистике как неотъемлемый атрибут речевого общения и один из эффективных способов проявления эмоционально-волевой экспрессии устного высказывания. Они выступают важным средством отражения чувств и состояний говорящего, не называя их, чем и отличаются от других лексических единиц, связанных по своей семантике с выражением эмоций. ИЕ обладают яркой коннотативной характеристикой, повышают образность непринужденной диалогической